

СТИХОТВОРЕНИЯ.

I.

Когда увижу я нежданно погребенье
И мысль, что собратъ, земной покинувъ
пирь,

Отъ жизненныхъ трудовъ найдя успокоенье,
Сокрылся навсегда въ невѣдомый намъ міръ,
Тогда опустятся невольно руки долу,
И духъ мятежный мой смирится и молчитъ,
И скорбная душа къ Отца небесъ престолу
Безмолвствуя, въ мольбѣ, но съ трепетомъ
летитъ.

Въ тотъ мигъ душа свята, она чужда земнаго,
Она такъ далека всѣхъ жизненныхъ суетъ,
И у подножія престола Всеблагаго

За милость и покровъ даетъ ему обѣтъ:
На жизненномъ пути невѣданныхъ наслажде-
ній

Искать и требовать, и помнить смертный
часть,

Для неба на землѣ, средь горя и мученій,
Прожить всегда въ добрѣ, для ближняго
трудясь.

Но человѣка здѣсь міръ суетный тревожитъ,
Тяжелъ обѣтъ души!... Его онъ позабылъ,
Безъ вздорныхъ радостей онъ въ мірѣ жить
не можетъ,

И все живя грѣшить, какъ прежде онъ
грѣшилъ.

Какъ дѣти въ жизни мы достойны сожалѣнья!
Насъ надо не учить, а только забавлять.
Ребенокъ закричалъ, заплакалъ, въ утѣшенье
Ему торопится подать игрушку мать.
Его утѣшили на время, хорошо ли?
Не лучше ль было бы ребенка наказать;
Въ немъ нѣтъ еще ума,—въ немъ есть
желанье воли,

И имъ руководить должны отецъ и мать!...

А. П.—въ.

II.

ИЗЪ БАЙРОНА.

А. М.....

Огонь полуденный въ очахъ твоихъ разлился,
Весь югъ зажегся въ нихъ огнистою звѣздой;
И дерзновенный бы предъ взоромъ ихъ
смутился,
И палъ бы наумленъ предъ дивной красотой.

Когда-бы ты въ выси небесной обитала,
Невольно-бъ при тебѣ весь звѣздный хоръ
блѣднѣлъ,
Созвѣдіемъ очей ты бѣ въ вышинѣ сіяла,
И чудно-бъ небосклонъ лучами ихъ горѣлъ.
Когдабъ созвѣдіемъ ты въ вышинѣ сіяла.
Невольно-бъ солнца свѣтъ блестящій потем-
нѣлъ;

И ты бѣ одна тогда надъ міромъ засіяла;
И цѣлый міръ тобой тогда бы просвѣтлѣлъ!

А. ДЕЛА ГАРДЕ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

(Критическій разсказъ.)

(Окончаніе.)

Донъ Жуану стоило только захотѣть. Сколько разъ сама судьба посылала ему счастье, но онъ всякій разъ самъ бросалъ свой алмазъ, находя его не довольно блестящимъ. Онъ въ безуміи расточаетъ всѣ сокровища своей души и самъ разоряетъ себя, никого не обогащая. Безумный и преступный, онъ вдвойнѣ несчастенъ; онъ губитъ себя и увлекаетъ съ собою въ погубель все, что его окружаетъ: друзей, родню, любовницъ, женщинъ, дѣтей, даже служителей.

И не смотря на это, онъ не былъ рожденъ злымъ. Никогда не вставала такая блистательная заря надъ такимъ ужаснымъ существованіемъ. Натура его была благородна, храбрость безъ жестокости, гордость безъ лжи. Донъ-Жуанъ слишкомъ высокъ для того, чтобы сдѣлать низкій поступокъ; ни одно постыдное чувство, не находить въ душѣ его ни восторга, ни отголоска, ни даже страданія. Онъ бросаетъ кошелекъ свой плачущей бѣдности и смѣло вступаетъ за слабость, угнетасмую силою. Онъ обнажаетъ шпагу одинъ противъ всѣхъ, на защиту жизни или чести своего друга. Онъ отдастъ не колеблясь свою жизнь, чтобы спасти свою любовницу, и если это невозможно, хочетъ даже умереть съ нею. Тѣмъ, кого онъ любитъ, онъ отдастъ все—кромѣ своего сердца!

Сердце его не принадлежитъ ему самому. Страсть, живущая въ немъ, не хочетъ ни съ кѣмъ раздѣлить его. Страшный гость, внутреннее чудовище, которое растетъ во мракѣ, пробуетъ потихоньку свои силы, питаясь чѣмъ ни попало, до того дня, когда пріобрѣтаетъ полныя силы, оно бросается на свою добычу и поражаетъ ее, съ тѣхъ поръ онъ дѣлается ненасытнѣе; ему поминутно нужны новыя жертвы, огромныя гекатомбы. Не находя наконецъ для себя пищи, оно обращается противъ самого себя, и уничтожаетъ себя, разрывая свою оболочку. Тогда все оканчивается: сердце не существуетъ болѣе.

Одинъ проступокъ влечетъ за собою другой, каждый проступокъ влечетъ за собою несчастіе—и человѣкъ погибаетъ.

Донъ-Жуанъ плачетъ надъ своею первою ошибкою, и смѣется надъ своимъ послѣднимъ преступленіемъ. Сначала оно пугаетъ его, потомъ онъ по немногу привыкаетъ къ крикамъ горести и къ пролитой крови, и оканчивается тѣмъ, что грубѣетъ до окамененія. Безжалостный анатомикъ онъ вскрываетъ человѣчество, какъ бразильскіе владѣльцы рудокопнень, распарывающіе своихъ работниковъ, чтобы видѣть не проглотили ли они какого нибудь драгоценнаго алмаза.

И въ этомъ случаѣ изъ поступка проистекаетъ необходимый результатъ; наказаніе заражается изъ преступленія. Донъ-Жуанъ посылалъ вездѣ разочарованіе и собираетъ отчаяніе. Избытокъ любви доводитъ его до невозможности любить. Тотъ человѣкъ, котораго въ молодости всѣ любили, старѣетъ одинъ, печальный и изнуренный.

Сколько силъ растратилъ онъ! сколько растерялъ способностей! У Донъ Жуана было все, что дѣлаетъ людей великими и полезными, все, что доставляетъ удивленіе, почтеніе, любовь. У него была сила и красота, настойчивость и смѣлость, громкое имя, богатство, дѣятельность и умъ. Природа его щедро надѣлила,—онъ ни чѣмъ не воспользовался. Общество все дало ему, онъ ничего не возвратилъ. Столько безцѣнныхъ даровъ въ немъ соединенныхъ, никому не принесли пользы, ни даже ему самому. Онъ могъ сдѣлать все, и взялся точно за все, но не сдѣлалъ ничего, кромѣ зла. Губительный метеоръ, который могъ быть путеводною звѣздою. Судьба побѣдителя, орудіе погубели, слава безумца! Когда будутъ писать исторію идей, какъ теперь пишутъ исторію фактовъ, Донъ Жуанъ будетъ стоять наряду съ Геростратомъ, Эмпедокломъ и Атилою!

ГODOBAY ЦѢНА

За 52 номера 11 р. 50 к. сер.
За пересылку
и доставку . 1 р. 50 к. сер.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

КОНТОРА ГЗЕТЫ НАХОДИТСЯ

въ С. ПЕТЕРБУРГѢ:

На Певскомъ проспектѣ, у
Полицейскаго поста, въ домѣ
Голландской церкви, въ книж-
номъ магазинѣ И. А. Ратькова.

Въ Москвѣ:

У книгопродавца Манухина
и Свѣшниковъ, на Чкозльской
улицѣ.

Выходитъ еженедѣльно, по
четвергамъ, тетрадью, рав-
няющеюся 5 обыкновеннымъ
листамъ, въ 8-ю долю.

Науки, искусства, художества, Иностранная и Русская литература, Критика, театр, концерты, публичныя зрѣлища и увеселенія, Библиографія Русская и Иностранная, Заграничныя письма, разныя новости, извѣстія, моды.

СОДЕРЖАНІЕ:

Русская Словесность. — Леде и Софья Павловна.	Библиографія.
Стихотворенія. — I. Когда увижу и веждано погребеніе. — II. Изъ Байрона.	Смѣсь. — Эолъ. — Последній открытія въ фотографіи. — Сямскіе близнецы.
Иностранная Словесность. — Донъ-Жуанъ.	Анекдоты, новости, мысли, замѣчанія.
Театръ.	Объ изданіи Литературной Газеты въ 1848 году.

РУССНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЕДЕ И СОФЬЯ ПАВЛОВНА.

Разсказъ, полный современныхъ вопро-
совъ и интересовъ.

Въ странное волненіе пришелъ Петербургъ, когда газеты разнесли по городу неслыханное извѣстіе, о воздушномъ путешествіи Леде. Еще листки газетъ не успѣли просохнуть отъ печати, какъ уже поднялись во всѣхъ концахъ Петербурга толки, различныя и многочисленныя, какъ карованъ каротки.

столомъ. Марья Петровна, старушка лѣтъ шестидесяти, полулежала въ вольтеровскихъ креслахъ, и нѣжила на своихъ костлявыхъ ручкахъ толстаго кота. Большой чепецъ, время взятія Эривани, важно сядѣлъ на тщательно завитыхъ бугляхъ. Ея шелковый капотъ, покрытый множествомъ платковъ и мантилій, окутывалъ все тѣло старухи, у которой носъ и подбородокъ отличались необыкновенною остроконечностію. О цвѣтъ и выраженіи единственнаго глаза Марьи Петровны не знаемъ, что сказать, кромѣ того, что онъ постоянно былъ прищуренъ; другой органъ зрѣнія уже лѣтъ пять какъ измѣнилъ Сельской. Онъ сдѣлался жертвою любимой собачки Марьи Петровны, когда Амшкка взбѣслась отъ излпшняго жиру. Въ этомъ печальномъ случаѣ, докторъ Иванъ Ивановичъ Пульверъ, пользуя Марью Петровну, утѣшалъ ее словами:

— Я выдалъ такой неблагодарность и въ человѣкѣ! шѣмъ больше бывай, тѣмъ меньше давай!

Сельская, не поняла впрочемъ косвеннаго намека доктора, и послѣ этого несчастнаго приключенія возненавидѣла собакъ вообще, и Амшкку въ особенности. Съ тѣхъ поръ толстый Васька замѣнилъ мѣсто *друга человечества*, какъ называла Марья Петровна свою голую собачку. Второй членъ семейства, Павелъ Ивановичъ Сельскій мужъ Марьи Петровны, кромѣ это-

казалось не доставало Федору Федоровичу? Романтизма! а Софья Павловна такъ любить романтизмъ, что для нея человекъ безъ чего нибудь особеннаго — не человекъ! заключалось ли это особенное въ душѣ или тѣлѣ, для нее это было все равно! А у Федора Федоровича, на противъ все было очень обыкновенно, и самъ онъ терпѣть не можетъ ничего особеннаго. Вообразите же себѣ положеніе Софьи Павловны, которую *выдаютъ* за Федора Федоровича!...

Еще одно лицо принадлежало къ семейству Сельскихъ, а именно Карлъ Карловичъ фонъ-Бау. Карлъ Карловичъ, издатель какого-то журнала, человекъ очень бѣлокурый, съ огромнымъ носомъ, и физиономіей, походящей на воронью, не лишецъ, посредственнаго ума, средняго и поверхностнаго образованія. Онъ судятъ иногда довольно удачно, но къ несчастію совершенное отсутствіе логики, дѣлаетъ Карла Карловича настоящимъ калейдоскопомъ; тряхнетъ онъ свою бѣлокурую головку, и выскочитъ идея или мнѣніе, по идуть ли они къ разговору, объ этомъ онъ не заботится.

— Федоръ Федоровичъ! сказала Марья Петровна, прочтите, батюшка, газету! Посмотрите-ка, что тамъ пишутъ!

Федоръ Федоровичъ взялъ Сѣверную Пчелу и прочелъ статью о Ледѣ. Фурхтъ читалъ голосомъ псаломщика, безъ оста-